

О диссертации А.А.Белого «Философско-эстетические основы пушкинского «истинного романтизма» на соискание уч. степени доктора филологических наук по спец. 10.01.01 и 10.01.08.

Фундаментальная работа А.А.Белого, если отбросить его многочисленные оговорки, разъяснения и ссылки, посвящена острому и во многом спорному вопросу - переводу поэтических текстов на язык философии и вообще абстрактного мышления. В этом состоит теоретический аспект диссертации. Что касается конкретностей, то это произведения Пушкина, как говорит автор работы, зрелого периода творчества, в плане прослеживания в этом творчестве влияния западной атмосферы, философии и вообще отношения к ней.

Вопреки принятой традиции, требуется сразу же, а не в конце, сказать об огромной эрудиции автора диссертации во всём, что касается его предмета и самой «ауры» вокруг означенной проблематики.

Логично, что в центре внимания оказываются Кант, Руссо и другие деятели на ниве мысли ХУШ века. Автор вводит в обиход малоизвестные (хотя в принципе известные) отрицательные высказывания Пушкина о Канте (а также о Гегеле и др.) и о самой философии. Как видим, не облегчая, а затрудняя себе задачу, что достойно похвалы. Хотя Ленский - «поклонник Канта и поэт», но Пушкин - не Ленский. Кроме названных, мелькают в весьма серьёзных контекстах, имена Горация, Дидро, Хайдеггера, Гадамера и ещё многих, как замечаем, связанных не только с ХУШ в. И эпохой самого Пушкина, но и просто с проблематикой .

Как отнестись к этому?

Несомненно положительно то, что, независимо от мнений самого поэта и от настоящей специфики поэтического видения мира в отличие от абстрактного, следы прочтения и контакта такого человека как, как

Пушкин, с абстрактной культурой весьма интересны. Некоторые наблюдения - весомое доказательство тому: «Особенность пушкинского решения в обработке сюжета (о Дон Гуане - В.Г.) в том и состоит, что энергия волевого акта Дон Гуана востребована для утверждения истины, обратной той, верность которой прославила Дон Жуана.

Такой поворот определялся, по-видимому, общим умонастроением времени - переосмыслением просветительской картины мира. Ужасы Французской революции были свежи в памяти. Безнравственность человека уже не уравнивалась притягательностью антицерковного бунта. Наоборот, возвращение к религии, очищенной от фанатизма и неоправданных притязаний церкви на тотальное руководство человеческой деятельностью, рассматривалось как равноценный, если не единственный путь к восстановлению нравственного и духовного достоинства человека.

Тенденция к переоценке ценностей отразилась и на интерпретации легенды об испанском нечестивце. Скрытый в легенде о соблазнителе потенциал преобразования был замечен не только Пушкиным. Свои варианты его обработки дали Э.Т.А.Гофман и П.Мериме (в новелле «Души чистилища»)....» (с. 131). Как замечаем, всё это связывается с философским кризисом на Западе после французской революции 1789 – 1793 г.г., и это справедливо.

Неизбежны, конечно, и натяжки: «... нельзя пройти мимо характерной черты «Повестей Белкина» - их счастливых финалов. В стремлении к ним Пушкин явно пренебрегает достоверностью. Совершенно невероятен случай, соединивший руки героев «Метели». Смешон и нелеп конец «Барышни-крестьянки»: на какое понимание мог рассчитывать молодой Берестов, собираясь объяснить отцу «невесты», что не хочет жениться на его дочери, а «невесте» - что она не в его вкусе? Далека от естественности и судьба Дуни в «Станционном смотрителе». Такая устойчивость финала не может быть непреднамеренной. Перед нами случай *демонстративной* искусственности, т.е. своеобразный код, скрывающий смысл всех этих «хэппи энд».

Каково бы ни было происхождение приёма «счастливого конца», он несёт на себе отражение основного просветительского (т.е. Французского ХУШ века - В.Г.) тезиса о счастье как цели человеческого существования. С нею была связана масса проектов социальных преобразований. Лишь Кант

подверг критике эту идею. По его аргументации, счастье недостижимо, ибо каждым понимается по-своему. Единственное, зависит от человека, что он может сделать, то *быть достойным счастья*. Условием для этого является добровольное (как следствие его свободы) подчинение человека нравственному закону и вытекающая отсюда ответственность человека за свои поступки. Моральность «достойности счастья» и передаётся у Пушкина «счастливым концом». (с. 80).

Здесь ощущается уважение к философии и неуважение к *художественной* традиции. Начиная с народных сказок, счастливые концы существуют в тысячах произведений, как мечта человека о счастье, без всякой философии. У Диккенса, у А.Н.Толстого, у Платонова в «Фро» и т.д. и т.д. - счастливые концовки. Напрасны упрёки в адрес молодого Берестова, эти его поступки - вполне в его *характере*, т.е. убедительны не абстрактно и не житейски, от чего здесь исходит А.А.Белый, и не философски, а художественно. И, кроме того, «модальность» по Канту и реальная счастливая концовка во искусстве - разные вещи.

Но эти натяжки - свидетельство всё той же неустранимой специфики искусства в отличие от абстракции и т.п., а не прямые промахи самого автора диссертации.

Как бы то ни было, выкладки А.А.Белого представляют, вот именно, научный интерес. Тем более, что сам он всячески ратует за *объективность* исследования и справедливо опасается вульгаризаций творчества, - отсюда и происходят все его оговорки и т.д.

Собран огромный материал по избранной теме, изложение внятное и квалифицированное, хотя собственные стилевые проблемы поэтического творчества, по понятным причинам, остаются за бортом. Можно было бы не уделять особого внимания А.Терцу (А.Д.Синявскому) и выяснению вопросов о том, чем сам Синявский отличается от А.Терца, т.е. своего псевдонима, да ещё в самом конце исследования. Некоторая тенденциозность в подборе библиографии ощутима и в других случаях. Но это, можно сказать, издержки субъективности на поле объективности, а вообще эрудиция автора и

огромность материала позволяют сказать, что А.А.Белый вполне достоин степени доктора наук по специальностям 10.01.01 и 10.01.08; его реферат соответствует тексту диссертации, а сама диссертация соответствует положениям ВАК о диссертационных защитах.

В.И.Гусев

 В.Гусев

доктор филол.н., профессор.



В.И. Гусев